

Сергей Кумыш

Как дети

Сергей Кумыш
Как дети (сборник)

«Геликон Плюс»

2013

Кумыш С.

Как дети (сборник) / С. Кумыш — «Геликон Плюс», 2013

Очень хорошая, светлая и ясная проза, со своей тонкой и точной интонацией, с правильным пониманием сущностных ценностей жизни. С той любовью (к жизни, к людям, к Небу), без которой не бывает искусства. Владислав Отрошенко В рассказах Сергея Кумыша – обыденные, в сущности, даже банальные житейские коллизии, рассказанные обыденными, в сущности, даже банальными словами; странным образом, однако, эта обыденность на грани банальности рождает тихую, грустную, но отчетливую музыку, читай – магию. Объяснимая странность, на самом-то деле. У Кумыша чистая и пристальная писательская оптика, он вглядывается в обыденность внимательно и сочувственно, – но еще и с почти религиозным уважением к той огромной тайне, которая незримо, но неоспоримо остается в обыденном, в простой повседневности человеческой жизни даже после самого пристального разглядывания. Александр Гаррос

Содержание

В доме	5
I	5
II	6
III	7
IV	8
V	9
VI	11
VII	13
Как дети	14
Таня	14
Вета	15
Витя	17
В тумане	18
В поезде	20
Колесо обозрения	21
Черная машина	23
Бабье лето	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Кумыш

Как дети (сборник)

В доме

I

Нас было четверо: папа, мама, старший брат и я. Домашних животных мы не заводили, потому что у папы была аллергия. Меня это всегда немного огорчало: если бы у нас появилась собака или кошка, роль младшего в семье перешла бы к нашему питомцу. Но так как ни собаки, ни кошки не было, младшим всегда и во всем оставался я.

Тем летом, о котором я хочу рассказать, мне исполнилось одиннадцать. Брату было семнадцать. Он сдавал выпускные экзамены, а потом уехал в Москву поступать в театральный институт. Поступив, вернулся домой, чтобы несколько дней в августе провести с нами.

Август был наполнен его непрекращающимися сборами, планами и мечтами. Нам жаль было с ним расставаться – каждому по-своему. И в то же время он так явно рвался туда, что нам ничего не оставалось, кроме как подчиниться бурному натиску его желаний, начать подыгрывать, а потом и по-настоящему включиться в эту, чуть ли не предпраздничную, суету.

Единственным, кто старался хоть как-то сдерживать порывы брата, был папа. Он говорил, что очень скоро брату предстоит пройти через разочарование. И хорошо, если оно окажется легким и временным. Большие ожидания никогда не бывают оправданы до конца. Он знал, о чем говорил, потому что сам был актером.

Впоследствии брат признавался мне, что больше всего благодарен отцу за то, что он, зная все о трудностях актерской жизни, никогда не уговаривал его выбрать другую профессию, не оспаривал его выбора. Он только предупреждал, что судьба любого успешного актера связана с везением; но трудолюбие увеличивает шансы.

Брат запомнил это и никогда не забывал. Именно слова отца не дали ему бросить институт, когда он хотел это сделать, и помогали справляться с неудачами, которых хватает в жизни любого человека. Но для актера неудача – глубоко личное оскорбление.

Несколько дней в конце августа мы провели на даче. Мы всегда уезжали туда при первой возможности. Но конец лета выдался суетным, и нам досталось всего несколько дней.

Именно дача была нашим настоящим домом. Городская квартира так и оставалась квартирой, одним из множества прижатых друг к другу одинаковых жилищ. Она предназначалась для коротких передышек между делами и учебой. Мы приходили и уходили в разное время, завтракали в спешке, ужинали по очереди, лишь изредка собираясь вместе.

На дачу мы приезжали всей семьей. И время, проведенное там, было только нашим. Находясь в квартире, мы помнили о том, что мы семья. На даче мы этой семьей были.

Тем летом мы мало навещали наш загородный дом. Из-за папиных съемок, из-за экзаменов брата. Пару раз папа предлагал, чтобы мама и я поехали туда вдвоем, но без него и без брата в этом не было смысла.

Мы провели на даче всего несколько дней во второй половине августа. Те несколько дней стали последними днями детства не только для брата, но и для меня. Но тогда мы ничего об этом не знали.

II

Если бы меня попросили описать брата одним словом, я бы сказал – стремительный. Он всегда отличался неумным характером, но тогда, на исходе лета, его одержимость жизнью и собственными мечтами приобрела мощь настоящего торнадо. Он носился по комнатам, хлопал дверями, заполнял дом своим громким голосом, терпким телесным юношеским запахом. Папа поглядывал на него поверх очков, изредка улыбаясь. Смотрел не строго, особой строгостью он вообще не отличался. Но именно взгляд отца был единственным, что могло хоть немного присмирить этого буйнопомешанного.

В первую же ночь брат буквально извертелся на кровати. Я не знаю, спали родители или нет, но лично мне казалось, что весь дом ходит ходуном от его неистовых телодвижений.

– Ты можешь успокоиться? – попросил я его, вполне вежливо.

Брат ничего не ответил, но на какое-то время затих. Правда, совсем ненадолго. И я опять услышал шорох его одеяла и нервное сопение.

– Че ты кряхтишь, как дед старый? – спросил я уже более раздраженно.

Он снова промолчал. Уж лучше бы что-нибудь говорил, может, хоть перестал бы ерзать. Но пляски на соседней кровати продолжались.

– Придурок, – сказал я и отвернулся к стене.

В следующую секунду на мою голову приземлилась его подушка. Я не стал ничего на это отвечать, так и заснул с подушкой на голове. На чем в ту ночь спал он, я не знаю.

Проснулся я от его голоса, доносящегося с первого этажа. Брат сообщал всему дому, что, пока мы просыпаемся, он пойдет купаться, как раз успеет обернуться до завтрака. Такой вот будильник, который не нужно заводить, только периодически кормить и одевать. Потом хлопнула входная дверь, и он с грохотом сбежал с крыльца.

Мне в августе купаться уже не разрешали – вода остывает.

– Ты че такое ночью вытворял? – спросил я его после завтрака.

– Понимаешь, я испугался, а вдруг мои документы там где-нибудь потеряются. Или окажется, что экзамены я сдал, а зачислить меня забыли. Потом я, конечно, решил, что это бред, но ты уже спал, – ответил он.

Завтракали мы всегда поздно. Ходили по дому, потягиваясь, зевая, приветствуя друг друга разнеженными сонными голосами. Потом мама начинала варить кофе и что-нибудь готовить, а мы расставляли чашки и тарелки, не спеша рассаживались вокруг стола. Посуда вся была разной: мы просто отвозили на дачу то, что в городе было не нужно и пылилось без дела.

Самый лучший момент завтрака – это когда все уже готово, но есть еще не начали. Из кухни в комнату проникают запахи кофе и яичницы, впереди – долгие минуты неторопливого блаженства. А первый завтрак на даче хорош тем, что это только начало. Утро – это вообще всегда обещание; таинственное обещание неразгаданного будущего.

Вот и в то утро все было именно так. Мы сидели за столом: брат с еще влажными после купания волосами, родители в неуклюжей домашней одежде, щурящиеся от разыгравшегося солнца, и я, предвкушающий долгие летние дни, сколько бы их там ни осталось.

III

Папа был человеком тихим. На сцене он мог быть каким угодно, меня это, честно говоря, мало интересовало. Я, в отличие от брата, не особенно следил за сценическими успехами отца. Мне всегда казалось, что папа на сцене (ну или на экране) – это не совсем он. Дома же он мог быть таким, каким ему хотелось.

Мне кажется, в тот год он попытался стать еще и незаметным. Началось с того, что он отказался от машины, которую за ним присылали со съемок (в семье у нас водила только мама, у папы даже прав не было). Сказал, что теперь будет ездить на метро, потому что там он может читать. Его обычной одеждой стали джинсы, кроссовки и кофты с капюшонами. Все свои немногочисленные вещи он складывал в небольшой рюкзачок, который носил на одном плече. Одетый, как подросток, ссутулившийся над очередной книгой – не очень-то был похож на актера, за которым готовы присылать персональный автомобиль. Он выглядел таким Бенджаминотом Баттоном, который, того и гляди, скоро станет ровесником брата, а потом и моим.

В метро его, как правило, не узнавали, а он, уткнувшись в книжку (тем летом это была «Госпожа Бовари», которую он перечитывал уже не знаю в какой раз), ездил на съемки и со съемок, в театр и домой и, наверное, наслаждался вновь обретенной свободой. Тогда нам с братом было не совсем понятно его поведение, мы это считали скорее причудой. Впрочем, на причуды, по нашему мнению, он имел полное право.

На даче папа позволял себе почти ничего не делать. Весь следующий день после нашего приезда он переходил из комнаты в комнату, периодически замирая с книгой то в кресле, то на диване, то за обеденным столом. Иногда он выходил с сигаретой на крыльцо и подолгу смотрел на лес, то шумящий под внезапными порывами ветра, то обманчиво спокойный. Пару раз он брал с собой книгу, если не мог оторваться.

Наверное, любовь к чтению – одна из немногих привычек, перешедших ко мне от отца. Театр никогда не оказывал на меня того гипнотического действия, какое оказывал на брата. Курить я тоже не начну никогда, в этом я уверен. Любовь к книгам и тишине – вот два главных качества, которые я сумел перенять. В остальном же я не очень похож на родителей, даже внешне. В детстве, когда брат хотел меня позлить, то говорил, что он – единственный ребенок в семье, а меня подбросили цыгане.

К чтению я пристрастился сразу после того лета. Вспоминал, что за книги читал отец, и глотал их одну за другой. Самой первой была «Госпожа Бовари». Я многого в ней не понял и потом, как и папа, несколько раз перечитывал. Правда, причины на это у нас были разные: папа возвращался к ней ради удовольствия; я же вгрызался в текст, чтобы в этой книге ничего не осталось без моего внимания.

Но в тот первый раз мне не нужно было много понимать, мне просто было важно таскать ее повсюду с собой, не расставаясь ни на минуту.

IV

Мама была самой настоящей хозяйкой. Папа оставался главой семьи. Но основные домашние заботы доставались маме. Не знаю, уместна ли такая параллель, но если сравнить нашу семью с британским парламентом, то папе досталась бы роль королевы, а маме – премьер-министра. Она ничего не решала без папы, но при этом решала все в основном именно она.

Папа мог позволить себе быть мягким и рассеянным, мог случайно забыть какую-нибудь важную дату или не вспомнить в нужный момент про счета за электричество. Мама не забывала ничего и, как говорится в старых романах, вела хозяйство, никогда при этом не претендуя на первенство.

Трудно представить, но ей каким-то образом удавалось не выделяться на папином фоне, когда мы были, например, в гостях или на праздниках у него в театре. Почти невозможно рядом с таким человеком, как папа, оставаться незаметным, учитывая его постоянную потребность растворяться, становиться частью фона, когда на него не направлена камера или софит на сцене.

Именно мама каждый раз возвращала его к реальной жизни, делала этот мир видимым для него, а папу – видимым для мира. Но она никогда не пыталась сделать или сказать что-то за него, если в этом не было необходимости.

Вот и в тот наш приезд на дачу она дала папе привыкнуть к отдыху, к этому позабытому из-за постоянной работы состоянию. Она готовила еду, находила места для привезенных с собой вещей. С самого первого утра дом был именно тем местом, где папа мог ни о чем не думать. Все это была ее заслуга. Мама отвечала за уют. Папа, брат и я были теми, кому этот уют был необходим.

На второй вечер к нам пришли гости. Пожилая пара, оба в прошлом актеры. Теперь же он преподавал где-то актерское мастерство, а она просто была рядом с ним.

Они привели с собой собаку, огромную, похожую на белого медведя южнорусскую овчарку, которую, по понятным причинам, не пустили в дом. Несколько раз за вечер я выходил во двор, выносил ей что-нибудь со стола, гладил, разговаривал, – словом, попытался за пару часов стать ее лучшим другом. Боюсь, у меня это не получилось. Хотя за еду собака была благодарна и даже пару раз меня лизнула.

Возвращаясь в дом, я видел брата, пожирающего глазами старого мастера, родителей, что-то отвечающих гостям. Он, казалось, был способен говорить только о профессии. Она периодически одергивала его, как мальчишку, не давая чрезмерно увлекаться, напоминая, что в жизни есть и другие темы для разговоров. Может, они и не были великими, но уже тогда мне было понятно, что это люди, у которых многое из запланированного сбылось, и теперь им есть что вспомнить и рассказать. От всей души я желал родителям однажды стать такими же. Конечно, не скоро; но эти похожие друг на друг старички (теперь я понимаю, что тогда они не были такими уж старыми) – это то, к чему стоит стремиться.

В сумерках, провожая гостей, мы вышли с ними за калитку. Немного постояли, глядя им вслед. Собака, убежавшая вперед, виляла хвостом, вынюхивая что-то у края дороги.

V

Весь третий день шел дождь. Утром мы проснулись особенно поздно и слышали стук капель, разбивающихся о землю, журчание воды, стекающей в канавы. Сразу стало понятно, что это надолго.

Одна из моих детских фантазий: из-за сильного дождя или снегопада мы оказываемся заперты в собственном доме. В нашем распоряжении только два этажа, несколько комнат и небольшой запас еды. Как будто это даже не дом, а остров, настолько маленький, что по нему толком не прогуляться. Или корабль, севший на мель, ожидающий прилива.

В моих мечтах это всегда было очень здорово – оказаться отрезанными от остального мира, хотя вот они, соседские дома, только выйди за калитку. Мне казалось, что это сплотит нас еще сильнее, что мы будем проживать долгие-долгие часы, как будто стоим вахту. Что мы найдем новое применение привычным вещам и самые обыденные домашние дела обростут неведомым смыслом.

Открыв глаза, увидев мокрые оконные стекла и пасмурное небо без единой бреши, я понял, что моя мечта сбылась. Мы заперты в доме на неопределенный срок, пока дождь не закончится. А закончится он, судя по всему, очень и очень нескоро.

Но то, что казалось мне долгожданным приключением, как вскоре выяснилось, не волновало и не влекло остальных с той же силой. Родители выглядели уставшими, брат откровенно скучал.

Я хотел придумать какое-нибудь интересное занятие, которое поможет нам пережить происходящее. Но это был всего лишь дождь. И единственное, что от нас требовалось, – ждать, когда он пройдет.

Мы поиграли в настольные игры, пока это всем не наскучило, в первую очередь мне. Иногда кто-нибудь из нас замирал, прислушиваясь, не стихает ли шум воды, или подходил к окну, высматривая просветы на небе. То есть все вроде было, как я и хотел, но в этом отсутствовала значительность. А переждать дождь просто так – ну что в этом особенного.

Вскоре все стали разбредаться по дому, не зная, чем себя занять.

Папа, так же как и всегда, выходил курить, кутаясь в одну из любимых кофт со смешным капюшоном. Только теперь он стоял прямо под дверью, чтобы капли не долетали до него. Возвращался он все равно в мокрых очках и подмокших кроссовках. Ветер задувал даже на крыльцо, окурки в пепельнице плавали и раздувались.

Он снова не выпускал из рук книгу. Потом я еще очень долго винил себя за то, что не запомнил, не обратил внимания, что именно он тогда читал. Я долго перерывал его библиотеку в надежде, что увижу название или обложку и сразу вспомню. Я нашел очень многие книги, которые видел у него в руках, перечитал их все. Но ту, которую он взял тогда на дачу, я так и не опознал. Возможно, я прочитал ее. Возможно, она до сих пор стоит где-то прямо у меня под носом, а я просто не знаю, что это она.

Я спрашивал у мамы, но и она не помнила.

– Он же постоянно что-нибудь читал, – сказала она мне.

Спрашивать подобные вещи у брата было вообще бесполезно.

Папа читал медленно. Он сидел в кресле, и по его особому молчанию, по его внутренней собранности и отрешенности от всего остального было понятно, что он где-то не здесь. Что за мир открывался ему?

Но стоило его позвать, он поднимал глаза, опускал книгу на колени и готов был слушать, отвечать. Интересно, только актерам свойственно такое мгновенное переключение или же это качество любого внимательного человека?

Мама находила себе занятие в любую погоду. Вот и в тот день, немного поскучав с нами из вежливости, она занялась привычными для нее делами.

В последнее время она неизбежно полнела, как любая женщина, погруженная в домашние заботы, к тому же родившая и воспитавшая двух сыновей. Но ее меняющееся тело не придавало ей запущенности, как это часто бывает с другими, оно лишь делало ее более земной, как бы говоря о том, что она здесь – надолго.

По маме вообще невозможно было сказать, что за окном что-то не так.

Один только брат никак не мог найти себе места. В то лето он как будто старался жить быстрее, и эта образовавшаяся, томительная для него, пауза, мешала событиям происходить, лишала его возможности действовать.

Хотя потом он, как никто из нас, будет удивительно остро вспоминать этот тягучий бесконечный день как удивительное событие, собравшее всю семью воедино, буквально прижавшее нас друг к другу, втиснувшее в стены собственного дома.

Об этом дне он будет говорить как о самом запомнившемся и одном из самых счастливых, хотя не происходило ровным счетом ничего. Люди очень странные. Но самое удивительное – это их память. В тот день брат буквально изнывал от скуки. Впоследствии он изнывал от тоски, вспоминая этот день.

Бывали часы или даже целые дни, когда дом застывал над временем. Минуты и секунды переставали что-либо значить, они как будто выветривались из наших комнат.

Что-то подобное произошло, когда дождь, уже ближе к вечеру, закончился. Казалось, с самого утра мы так или иначе стремились куда-нибудь выйти и чем-нибудь заняться. Но как только от земли начал подниматься влажный травяной запах, а из-за облаков показалось холодное вечернее солнце, произошло именно то, чего мне так хотелось. Мы не выходили из дома, как будто снаружи действительно ничего больше нет и нам некуда идти. И это было здорово.

Не сговариваясь, собрались в одной комнате. Даже брат как будто поймал спокойную радиоволну и скользил по ней вместе с нами. Снаружи шло время. Но мы были внутри. Переживали свою персональную бесконечность.

VI

В последний день родители уехали за продуктами для ужина, а мы с братом пошли купаться.

– Мама убьет, если узнает. Сначала тебя, а потом меня, – сказал я ему.

– Никто не узнает, если мы ничего не скажем.

Спорить я не стал. Это был мой единственный шанс. И мне очень хотелось его использовать. Пруд находился недалеко от дома. Родители должны были вернуться не раньше, чем через час. Мы оба знали, что успеем.

Брат всегда купался голышом, нацепив трусы на шею, чтобы можно было сразу в них впрыгнуть, если кто-нибудь появится на берегу. Но в это время на пруд уже почти никто не ходил. Я скинул плавки вместе с остальной одеждой – потом не придется придумывать объяснение, где я их намочил.

Вода и правда была холодная. Зайдя по колени, я ненадолго остановился в нерешительности.

– Плыви сюда, голожопик! – крикнул мне брат. На поверхности торчала только его довольная физиономия. Ну что мне оставалось делать? Я сделал еще несколько шагов и неуклюже плюхнулся в воду.

Мы плавали по гладкой, спокойной, уже по-осеннему темной воде. Тело быстро привыкло к холоду. Вокруг стояла тишина, только наши руки и ноги рассекали застывший пруд. И еще были слышны пофыркивания брата. Купаться он любил, но плавал не очень хорошо.

– Ну все, давай, вылезай, – сказал он наконец. Надо же показать, кто здесь старший.

Выйдя на берег, мы долго скакали по траве, вытряхивая набившуюся в уши воду. Потом он тер мне голову полотенцем. А потом мы пошли домой.

Когда родители вернулись, между ними чувствовалось напряжение. Они никогда особо не ругались, но иногда бывали друг другом недовольны. Это выжалось в их излишней собранности и подчеркнутой холодной вежливости друг с другом. Они старались не выяснять отношения при нас и не показывать, что поссорились. Но это всегда было понятно. О причинах мы с братом могли только догадываться.

Последний ужин на даче проходил в молчании. Мы с братом неловко переглядывались, когда папа или мама в ответ на наши попытки начать разговор отвечали что-нибудь невпопад. Еще одна отличительная черта: каждый раз, затаив что-нибудь друг на друга, они становились излишне приветливы с нами. Это показное дружелюбие, как бы говорящее о том, что «вас это ни в коем случае не должно касаться», только расстраивало нас еще сильнее. То есть нас это в итоге касалось в первую очередь, потому что папа и мама превращались в двух иностранцев, которых очень трудно разговорить, которым все приходится объяснять на пальцах, до которых практически невозможно донести смысл того, что ты действительно хочешь сказать.

Думаю, мы с братом тогда чувствовали одно и то же: наш последний вечер, от которого зависят все дальнейшие воспоминания, мог обернуться просто скучным поеданием пищи. Это был не просто ужин, а время – и все это прекрасно понимали, – когда мы в последний раз по-настоящему собираемся всей семьей перед тем как брат уедет очень надолго, а папа снова начнет пропадать в театре и на съемках. Как будто мы смотрели фильм, персонажами которого сами же и были: все идет к довольно неудачному финалу, и, если ничего не изменится, мы рискуем выйти после просмотра с ощущением, что время потрачено зря.

Мне было грустно, но еще сильнее было жаль брата. Родителей тоже было жаль. Потому что они не могли не понимать, что на самом деле сейчас происходит, но и поделать тоже ничего не могли. Видимо, с годами находить простые решения становится все сложнее.

Прошло еще несколько минут или несколько десятков минут. Похоже, нам ничего не оставалось, кроме как смириться с происходящим. Когда все было съедено, мама сказала, что чай будет чуть позже, и мы разбрелись по разным комнатам.

Дом затих. Казалось, он заранее начал привыкать к тому молчанию и тишине, которые наступят, когда мы вернемся в город. Все погрузилось в вечернюю полутьму, разрежаемую лишь светом электрических лампочек. На полках и подоконниках появился первый тонкий слой пыли, которая будет теперь копиться до нашего следующего приезда. Я попытался прислушаться к дому, почувствовать нечто особенное, разгадать загадку, но слышал только ветер за окном и позвякивание посуды, которую мама убирала со стола.

Мне трудно найти объяснение тому, что произошло дальше. Когда мы с братом вернулись на кухню, то застали следующую сцену: мама, поворачиваясь к плите, чтобы снять чайник, легонько шлепнула папу, как маленького ребенка. И папа сконфузился, чисто по-детски, увидев, что мы были всему свидетелями. Они вновь улыбались друг другу, не вымученно, а по-настоящему.

У меня возникло ощущение, что с меня стирают пыль влажной, приятно теплой тряпкой. Я посмотрел на брата, а он на меня. Возможно, мы чего-то не понимали в отношениях родителей. Но в такие моменты нам и не надо было ничего понимать. Становиться свидетелями их возвращающейся любви – вот то единственное, что было важным.

Возможно, если бы мы знали, из-за чего у них происходят размолвки, мы бы вставали на чью-нибудь сторону. Но такой возможности мы были лишены. Теперь я думаю, что это правильно.

О своих планах в тот вечер говорил только брат. Маме, папе, да и мне в отличие от брата, будущее тогда казалось вполне однозначным. После возвращения с дачи продолжится все то же, что было до отъезда. Поэтому мы растягивали, как могли, этот последний вечер. И время вторило нам, принимало ритм нашего дыхания и разговоров.

В какой-то момент мы все замолчали и услышали, что ветер за окнами стих. Прошедший день окончательно растворился в наступившей ночной тишине.

VII

Когда мы отъехали от ворот, я обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на дом. Каждый раз, возвращаясь сюда после долгого отсутствия или уезжая в конце лета, я пытался представить последние секунды перед тем, как мы откроем дверь, или первые – после того, как мы ее вновь надолго закрыли. Я всегда хотел почувствовать эту тишину и пустоту, царящую внутри, узнать, какая она; и всегда точно знал, что могу лишь пытаться ее представить.

Окна были плотно закрыты и зашторены, двор аккуратно прибран, на калитке и воротах висели замки. Казалось, дом удаляется от нас, хотя это мы уезжали, а он оставался на месте. Потом машина набрала скорость, и вскоре наш дом скрылся за поворотом. Через час с небольшим мы были в городе.

Папа умер на следующий день. Мы собирались обедать, когда он вдруг повалился на диван.

– Что случилось? – спросила мама.

– Жарко, – ответил он.

Маму напугало папино лицо, а меня – его голос. Это был голос человека, у которого внезапно закончились силы. Мама выбежала на кухню и вернулась с полотенцем, принялась обмахивать папу, неотрывно глядя на него. Папа попытался улыбнуться:

– Не маши в стороны, маши на меня.

Это были его последние слова. Потом он потерял сознание. Жарко в тот день точно не было. Наоборот, наступило преждевременное осеннее похолодание, хотя календарное лето еще не закончилось.

Врач из «Скорой помощи» сказал, что папа умер от сердечного приступа. Брата не было дома. Потом он говорил, что, подойдя к подъезду и увидев машину неотложки, даже на секунду не задумался о том, что это может быть к нам. А потом он открыл дверь и увидел врача и санитаров, расхаживающих по квартире в ботинках, увидел меня и маму.

Первая мысль, которая пришла мне в голову, когда я вновь обрел способность думать, была странной и эгоистичной. Она возникла настолько неожиданно, что разумного чувства стыда я не испытал. «Хорошо, что я успел искупаться, потому что больше ни одно купание не принесет мне такой радости».

Мы с братом до сих пор изредка приезжаем на дачу. Но теперь это похоже на визиты к стареющему родственнику, которого просто нельзя надолго оставлять одного. Наш загородный дом ветшает. Мама почти не бывает там.

Дом героически переживает наше отсутствие, от раза к разу затягивающееся все сильнее. Хроника нашей семьи закончена. Дальше начинается мифология. Чем сильнее мы удаляемся от тех последних летних дней, тем избирательней и ярче становятся воспоминания. Тем больше они начинают походить на вымысел.

Но в одном я уверен точно: эти несколько дней действительно были. И хотя бы поэтому мы не должны надолго оставлять дом. То небольшое, что по-прежнему остается в памяти нетронутым, живо благодаря ему. Потому что любой дом, каким бы он ни был и где бы ни находился, – это единственное место на земле, где время не имеет никакого значения.

Как дети

Таня

Тане, насколько она себя помнила, всегда нравились девочки. Хотя в детстве она влюблялась в мальчиков. Наверное, «влюблялась» – не совсем подходящее слово. Она знала, что так бывает, ей говорили, что так должно быть, она видела, как влюбляются другие. И влюблялась следом за ними. Выбирала кого-нибудь и начинала о нем часто думать, ждать, когда он на нее посмотрит, немножко подглядывать за ним (потому что, когда влюбляешься, смотреть открыто уже нельзя). Шептаться о нем с другими девочками, рисовать для него рисунки, которые ты ему никогда не покажешь и не передашь, потому что будешь очень стесняться. Словом, Таня старалась поступать правильно.

Странность, как она сама потом поняла, заключалась в том, что на самом деле она не влюблялась в мальчиков. Некоторые из них, безусловно, вызывали в ней восхищение и даже трепет. Но все это было не всерьез и никогда не продолжалось подолгу. Настоящего, живого интереса из мальчиков (а потом из парней, из мужчин) в ней не вызывал никто. Ей действительно больше нравились девочки. Изначально. Как только Таня это осознала, она тут же перестала считать это странностью.

Еще в младших классах Таня заметила, что ей нравится смешить других девочек, развлекать их, заинтересовывать, делать так, чтобы они на нее смотрели. Сначала она пыталась привлекать внимание всех – и девочек, и мальчиков, ей нравилось быть в центре. Но довольно скоро стало понятно, что она не знает, чего эти мальчики хотят. В компании девочек она просто делала и говорила то, что ей самой было смешно и интересно. С юмором и интересами мальчиков это, как правило, не совпадало. Вскоре они ей наскучили. Вскоре и мальчики стали обращать на Таню гораздо меньше внимания.

Потом, в более старшем возрасте, Таню всегда поражало и захватывало то, насколько ее подружки, внешне мало чем от нее отличающиеся, могут быть другими. Их голоса, движения, манера говорить – все это было настолько неповторимо, удивительно, что Таня порой ловила себя на том, что стоит и просто разглядывает их, вслушивается в них, пытается как можно полнее ощутить присутствие каждой из них.

Самой удивительной, самой главной тайной каждой из ее одноклассниц была кожа. Она определяет облик. Одновременно и оболочка, и сам человек. Поэтому Таня так любила ходить с подружками за руку, держаться за них.

С мальчиками было не так. Они были слишком другими. Они слишком отличались от нее самой. Прыщавые, дурно пахнущие, помешанные на своих пиписьках. Это были одни ходячие различия. Изучать различия, не обнаружив сходства, – кому это интересно.

Иногда Таня ловила себя на том, что пытается представить, угадать, с кем бы из одноклассниц она хотела встречаться, если бы сама была парнем. Поначалу подобные фантазии казались абстрактными, потому что Тане совсем не хотелось быть парнем. Но сама эта мысль – с кем бы из одноклассниц ей хотелось быть – однажды возникнув, уже не покидала ее.

Все было еще проще. Если отбросить все раздумья и воспоминания, девочки ей всегда просто нравились. Непонятно, в конечном счете, почему. Такие похожие и такие непостижимые, они были центром ее внимания.

Вета

С Ветой Таня познакомилась после школы, когда приехала в Питер поступать в институт. Ее сразу заинтересовала эта изящная короткостриженная темноволосая девочка с чуть вздернутым носом и тонкими чертами лица. Независимый, четко очерченный и вдохновенный профиль Веты чем-то напомнил Тане Грибоедова с портретов в школьных учебниках. Таня сразу подумала, что это глупое сравнение, но отделаться от него так и не смогла. Когда они заговорили, у нее возникло довольно странное ощущение – как будто она всегда любила Вету, но не знала, как она выглядит, а теперь увидела.

В общежитии они жили в разных комнатах. Стоило Ветиной соседке куда-нибудь уйти, она тут же звала к себе Таню. И наоборот. Правда, чаще почему-то уходила именно Ветина соседка.

Поначалу Таня немного опасалась Веты. Точнее, она опасалась силы того чувства, которое захватило ее с первых дней их знакомства. Она не хотела навязываться и не была уверена, что Вета испытывает ту же, скажем так, заинтересованность. А потерять друга в лице Веты, просто отпугнув ее, Тане не хотелось. Поэтому она была осторожна.

Но очень скоро стало понятно, что в этой осторожности не было никакой необходимости. Вета уделяла Тане столько внимания, сколько та сама иногда не могла дать подруге. По большому счету, Таня только познакомилась с Ветой первой. В дальнейшем почти всегда любая инициатива исходила от Веты.

Поняв, что ей не придется страдать от неразделенного чувства к лучшей подруге, что подруга оказалась чуткой и крайне сообразительной, Таня снова испугалась. Это не было похоже ни на что из того, что она переживала в прошлом. Робкий поцелуй с одноклассницей так и остался лишь единственным поцелуем, девочки просто не знали, как им дальше себя вести. Несколько не самых удачных опытов с парнями тоже ни к чему не привели. Во всяком случае – ни к чему хорошему.

Отношения с Ветой обещали довольно скоро перерасти в нечто иное, чем просто дружба. Они и были уже чем-то иным, и это «что-то» лишь набирало обороты. Именно потенциал новых отношений пугал Таню. Одно дело – тосковать от безответной любви к девочке, понимая (не без облегчения в глубине души), что взаимности тебе не дожидаться, что дружба – это большее, а главное, единственное, на что ты можешь рассчитывать. И совсем другое – влюбиться в девушку и через какое-то время (через очень малое время) понять, что тебе отвечают взаимностью. Потому что в этом случае придется делать очень важный, решающий выбор. Таня всеми силами старалась помедлить еще хоть чуть-чуть. Окончательно признаться себе в том, о чем раньше ты только догадывалась, оказалось совсем не просто. Сама сделать шаг Таня не решалась, она ждала помощи от Веты. И Вета ей помогла.

Они смотрели фильм в комнате Веты, соседка которой снова куда-то уехала, в этот раз – на всю ночь. Подружки забрались с ноутбуком на кровать, сидели совсем близко. Таня слышала каждый мельчайший шорох Ветиной одежды, ее дыхание, иногда – как тикают ее наручные часы. Вникать в фильм было сложно. Понимание того, что возвращения Ветиной соседки можно не ждать, что в этой комнате сегодня можно пробыть хоть до утра, что до утра в этой комнате может еще очень многое случиться, – все это заполняло Таню целиком. Сидя с подругой уткнувшись плечом в плечо, Таня чувствовала невероятное возбуждение. Все ее желания, страхи, ожидания, связанные с Ветой, удесятились. И она понимала, что многому из этого суждено сегодня сбыться, сегодня она многое узнает. Все это «многое», резко обрушившееся, так давило, так переполняло и раздирало ее, что в какой-то момент эмоции сменились усталостью. Она склонилась к Вете. Сначала к ее плечу, потом к ее коленям. «Как хорошо, так бы и лежать», – подумала Таня. Это оказалось так просто – доверчиво склониться к подруге,

остаться с ней. На какое-то время люди и события на экране обрели невероятную четкость. А потом Таня заснула.

Когда Таня открыла глаза, то увидела погасший экран ноутбука. Она сразу поняла, что Вета не спит. Руки подруги все так же лежали на ней, тело Веты дышало под Таниной головой. Слишком тихо для спящего человека. А еще Таня поняла, что Вета знает, что она проснулась, хотя Таня не пошевелилась, не издала ни единого звука, никак себя не выдала, просто открыла глаза. Она немного полежала так – в тишине, в темноте – потом повернула голову к Вете. Вета смотрела на нее.

Дальше все было очень легко. Они просто потянулись друг к другу. То, что казалось сомнительным, странным, почти опасным, осыпалось где-то за пределами этой кровати, этой комнаты, этой минуты. Реальности не утратило только то, что происходило между ними. Потом они уснули, уже вместе и, должно быть, одновременно.

Витя

С Витей Таня познакомилась случайно, летом после второго курса, на вечеринке у друзей в Москве. Витя тоже приехал из Питера. Казалось, в этом парне подобралось все, что только может раздражать Таню в мужчинах. Он был какой-то излишне крупный, высокий, с большими руками и длинными пальцами, низким голосом и нарочито мужественной манерой держаться. Как будто он постоянно пытался всем доказать, что он парень, хотя это в доказательствах не нуждалось. Он был из тех, от кого хочется держаться подальше, и при этом на него невозможно не смотреть, находясь рядом.

Разумеется, в какой-то момент он оказался рядом с Таней и заговорил с ней. А разве могло быть иначе? Единственный человек, который не нравится вам на вечеринке, рано или поздно обязательно с вами заговорит, как бы много ни было народу. Компания в тот вечер подобралась немаленькая.

– Ты тоже из Питера, да? – спросил Витя.

– Что значит «тоже»?

– Значит, что и я тоже.

– Да.

– А там откуда? – и все в таком духе. Он еще и болван. С удивительно красивыми чувственными губами. Последнее Таня не без удивления заметила, когда посмотрела на Витю в упор, отвечая на очередной скучный, необязательный вопрос. Удивительные губы: абсолютно правильной формы, с очень нежной розовой кожей, тонкие и при этом чуть припухлые. Губы человека эпохи Леонардо. Поняв, что задержала взгляд на Витином лице слишком надолго, Таня о чем-то еще из вежливости с ним поговорила и затерялась среди более знакомых и более симпатичных ей людей.

Последнее, о чем она подумала, что и глаза у этого парня, надо признаться, неплохие. Как будто более юные и чуткие, чем он сам. Глаза и губы, ставящие под сомнение достоверность остального образа. Больше Таня ни о чем в тот вечер не думала. Это был прекрасный пьяный летний вечер.

Проснувшись, Таня увидела прямо над собой Витино лицо. Собственно, он ее и разбудил.

– Ты чего?

– Покатайся со мной на роликах.

– Что? – больше всего Тане хотелось вернуться в сон.

– Пойдем покатаемся на роликах. У них есть ролики.

Таня вспомнила, где она, примерно вспомнила, кто перед ней.

– А сколько времени?

Витя что-то ответил. Еще утро. В подробности вникать не хотелось.

– Вить, может, ты еще кого-нибудь попросишь, – говорила Таня по-прежнему сонно, но сон уже прошел.

– У меня сегодня день рождения.

В тумане

Они отправились в парк Сокольники. Это было лето, когда вокруг Москвы повсюду горели леса. Город был погружен в мутную сизую дымку, которая щипала глаза и нос, из-за которой нельзя было отходить друг от друга далеко, чтобы не потеряться, которая имела свой запах, странным образом напоминавший запахи детства.

Из репродукторов нарочито спокойный женский голос говорил о том, что в сложившейся ситуации парк – это зона повышенной опасности. Голос чередовался с музыкой, такой же безликой. Но в сочетании с чуждой городу мглой, странными, тревожными и одновременно узнаваемыми запахами эти далекие отстраненные звуки создавали в воздухе что-то новое, необычное, почти манящее.

Они закутались в дымку, спрятались ото всех.

Сели отдышаться на скамейку. Вокруг ничего не было видно, только скамейка, Таня и Витя. Еще виднелся столб потухшего фонаря, несколько стволов деревьев – и больше ничего.

– Не обидно вот так: проснуться в свой день рождения в чужом городе, в чужой квартире и пойти кататься с чужим человеком? – спросила Таня.

– Нет, – ответил Витя.

– С семьей не лучше?

– Мы с отцом не очень-то дружим.

– А мама что?

– Мама ничего. То есть она умерла в четыре года. Ну, когда мне было четыре года.

Таня не сказала «ой, извини», и Вите это понравилось. Их голоса как будто никуда не улетали, оседали рядом с ними.

– Такой туман.

– Я такой всего один раз видел. В детском саду. Нас однажды воспитательница после тихого часа разбудила: «Дети, дети, смотрите, какой туман». Мы повскакивали с кроватей, подбежали к окнам, трем слипшиеся глаза, а там вообще ничего не видно. Помню, я только различил желтый лист на асфальте, прямо под окном, и огни телебашни. Ну эти красные огоньки для самолетов. И мы стояли в трусах и майках, смотрели на туман. А потом был полдник.

Таня улыбнулась:

– Хорошо помнишь детство?

– Да нет, так, какие-то моменты.

– Я одной девочке хотела голову отрубить.

– Что?

– Тоже в садике. Помнишь мультик «Золотая антилопа»? Там палач все время говорит: «Можно я этому голову отрублю? Можно я тому голову отрублю?» Ну вот, я посмотрела и стала думать, а кому бы я хотела отрубить голову. И решила, что вот той девочке.

– За что?

– Не знаю. Просто так. Мне было важно кому, а не за что. Наверное, чем-то она мне не нравилась.

– Ты кровожадная.

– Нет. В детстве все такие. Потом вырастают и забывают. Придумывают себе что-то безоблачное и счастливое. Мне кажется, мы в детстве счастливы не потому, что дети, а вопреки этому. Поэтому и вспоминаем всю жизнь. А так-то сам подумай: это вообще нормально – быть счастливым, когда соседский сенбернар выше тебя ростом?

Мимо прошла пожилая женщина с коляской. Вышла из тумана и в него же погрузилась.

– Мне нравилось с отцом ходить к маме на кладбище. Мне казалось, что кресты – это воткнутые в землю рыцарские мечи, – Витя помолчал. – Однажды мне там очень захотелось

писать. Ну а нас как в детстве учат: если писаешь на улице, писай в травку, на цветочки. Ну и пока папа у мамы что-то замешкался, я помочился на соседнюю могилу, где росли цветы. Он в последний момент заметил, оттащил меня оттуда, сказал, чтобы я больше так не делал. Причем непонятно было, он сердится или что. По-моему, он пару раз отворачивался, чтобы улыбнуться. Потому что картинка, конечно, жутковатая, но комичная. Хорошо, никто больше не видел.

– Да уж. А почему вы не дружите?

– Мы не то чтобы не дружим. Просто какой-то особой связи, типа там одна кровь – этого нет. Я знаю, что он мой отец. Мы живем вместе. Но не больше.

– Почему?

– Не знаю. Он сначала очень старался, возился со мной, пытался проводить вместе как можно больше времени. Но потом, довольно скоро, он как будто перестал понимать, что со мной делать, как воспитывать. Стал каким-то неуверенным, отстраненным. Потом, когда я подрос, общаться стало проще. Но это было уже не обязательно.

– Так и жили все время вдвоем?

– В основном да. У него были какие-то подружки, появлялись иногда. Некоторые, на самом деле две-три за все время, оставались с нами. Но никогда надолго не задерживались. Без баб, короче, – Витя усмехнулся.

Таня поймала себя на том, что слушает Витю с интересом, что и эта прогулка, и этот разговор ей нисколько не в тягость. Вне шумной компании Витя оказался гораздо менее дерганым и уж точно более разговорчивым. От его напускной мужественности ничего не осталось. Перед ней сидел косноязычный юный великан, гораздо более симпатичный, чем могло сначала показаться, чем он сам себя видел и пытался показать. Когда он говорил спокойно, не перекрикивая музыку, другие голоса и смех, он, казалось, не сильно-то отличался от того мальчика из собственного детства, о котором рассказывал. Просто у мальчика очень выросли руки и ноги, вот он и решил догнать собственное тело, соответствовать ему.

И все-таки иногда Витя старался быть похожим на взрослого сложившегося мужчину. Видимо, это вошло у него в привычку и изредка проявлялось, как правило, в неподходящие моменты. Он становился похожим на того мужчину, каким ему только предстояло стать лет в сорок. Эта схожесть была очень несвоевременной, было ясно, что Витина юность продлится гораздо дольше, чем он сам себе запланировал. Впрочем, и тот сорокалетний мужчина, изредка поглядывавший на Таню из Витино будущего, не был ей неприятен. Просто было понятно, что его время еще не пришло.

В поезде

Таня возвращалась в Питер в плацкартном вагоне. Витя еще на какое-то время остался в Москве. В съемной квартире на Комендантском проспекте ее ждала Вета. Нервная, страстная, ненасытная. Всегда такая желанная. Иногда Тане казалось, что это все неправильно, что они слишком заиклены друг на друге. Ей было стыдно себе в этом признаваться, но иногда, не видя Вету по несколько дней, она начинала испытывать что-то вроде облегчения. Мысль о предстоящей встрече начинала беспокоить, почти тревожить. Но все сомнения отпадали, стоило их глазам встретиться. Первый поцелуй после разлуки, долгой или короткой, дарил болезненное и счастливое узнавание.

Глядя на проносящиеся мимо осины, Таня вновь не знала, как ей быть. Она не рассказала Вите про Вету. Он был так явно к ней расположен, так открыт, что она понимала: рассказать про Вету сейчас – это значит все испортить. Как минимум – испортить ему настроение в день рождения. Он бы перестал рассказывать, доверяться, если бы Таня упомянула о Вете. Даже просто намекнула бы на наличие у нее хоть какой-то личной жизни. Она не знала, почему и откуда это знает, но была уверена, что так и есть.

Она расскажет ему потом. Если он позвонит, захочет еще встретиться, она все ему расскажет, объяснит. Но пока нельзя. Пусть ее внимание станет подарком ему на день рождения.

Было ли что-то еще? Была ли еще какая-то причина, по которой она не упомянула Вету? Действительно, кто ей сказал, что эта тема запретна? Ведь во всем остальном она была с Витей откровенна. И как на самом деле легко она это сделала. В их разговорах она не вычеркивала из своей жизни Вету. Она просто рассказывала о своей жизни так, как будто Веты в ней не было.

Почему она это сделала? Таня почувствовала раскаяние. Она обманула Витю и предала Вету. Она позволила парню увлечься и довериться ей, в то время как сама была несвободна. И она не собиралась бросать Вету. И она не собиралась обнадеживать Витю. В итоге – пусть лишь в каком-то смысле, пусть только у себя в голове – она сделала и то и другое.

Во-первых, надо как можно скорее объясниться с Витей (чего себя обманывать, он, конечно, еще позвонит). Во-вторых, рассказать все Вете. Тем более что ничего особенного рассказывать не придется. В Москве за ней увязался долговязый мальчишка, она погуляла с ним в день его рождения, а потом вернулась в Питер. Ничего особенного. Просто история об очередном ничего не значащем знакомстве. Просто еще одна маленькая подробность, из которых будет состоять ее рассказ о поездке. Они обо всем всегда друг другу рассказывают. И этот раз не будет исключением.

Таня снова посмотрела в окно. Дымка рассеивалась. Москва оставалась позади.

Колесо обозрения

Сначала от Вити пришла смска: «Я короче приехал». Таня не стала ничего на нее отвечать, решила подождать следующую. Ждать пришлось недолго.

Она так и не рассказала Вете про Витю, не решилась. Когда в разговоре она уже собиралась перейти к их знакомству и катанию на роликах, то поняла, что внутренне заготавливает непринужденную интонацию. И сразу стало ясно, что непринужденной интонации у нее не получится. Она принялась подбирать слова, следить за тембром собственного голоса и в итоге сдалась, решила, что проще вообще этого не касаться, сказала лишь нечто вроде «На следующий день мы долго гуляли по Сокольникам», очень стараясь, чтобы «мы» прозвучало как «мы-все-вместе». И похоже, ей это удалось. Вета ничего не заподозрила. Во всяком случае, вида не подала. Вета не умела не подавать вида. Значит, все в порядке.

Себе Таня сказала, что да, Витя ее заинтересовал, но просто как приятель. Она встретится с ним еще раз, ну, может быть, два раза. Потом они будут изредка перезваниваться, пока все само собой не сойдет на нет. И незачем из-за этого беспокоить Вету. По какой-то причине она не может говорить о нем равнодушно, а Вету это может задеть. Не надо.

Вторая смс от Вити была такая: «Поехали как-нибудь гулять на Крестовский». И сразу третья: «Не, давай завтра, а не как-нибудь. Если можешь. Можешь?» Что-то подсказывало Тане, что самым разумным будет ответить: «Не могу». Но особых планов у нее не было, и она вдруг стала удивительно честной. Не смогла сказать, что не может, зная, что явной причины отказывать нет. Она написала: «Давай. Только пораньше, часов в 12». Утренняя прогулка ни к чему не обязывает. «Ок», – пришел ответ.

На другой день Таня твердо решила ни в коем случае не опаздывать. Это не должно выглядеть как свидание, потому что это не свидание. Ехать от «Комендантского» до «Крестовского» ровно семь минут на метро, она не опоздает.

Она опоздала на двадцать пять минут. Сначала она зачем-то накрутила глаза. Взглянув в зеркало перед выходом, поняла, что этот макияж смотрится на ней как военная форма на новобранце – ужасно. Бросилась все смывать, забрызгала кофту, пришлось переодеться. Выходила (выбегала в ярости на саму себя) из дома уже в начале первого.

Витя ждал ее на выходе с эскалатора, одетый в синие кеды (кто бы мог подумать, что бывают кеды такого огромного размера), синие джинсы и белую футболку, из которой его длинные руки торчали особенно нелепо. «Короткие рукава – не для него, но он явно об этом не знает», – подумала Таня. Он улыбался – широко, глуповато и, как ей показалось, немного растерянно. Когда Таня подошла к нему, он с секунду постоял, потом наклонился к ней и неумело поспешно поцеловал. Таня не ответила на поцелуй, нервно дернулась, когда он прикоснулся к ней, и тут же принялась осуждать себя: это ведь даже не знак внимания, обычное приветствие двух знакомых людей.

Они шли, специально замедляя шаги. То внезапное понимание, которое возникло между ними в Москве, сейчас возникать упрямо не хотело. Чувствовалось, что Витя переживает – хочет удержать Танино внимание, а у него никак не получается. Таня же заняла выжидательную позицию. Когда они проходили мимо парка аттракционов, Витя предложил прокатиться на колесе обозрения. Почему бы и нет.

Единственное, чего опасалась Таня, это что Витя сейчас начнет говорить что-нибудь, по его мнению, романтическое или, что еще хуже, приставать к ней. Он сел на противоположную скамейку и молчал, глядя на нее, все время, пока они были в воздухе. Зато Таня кое-что почувствовала. Она вдруг поняла, что очень хочет Витю прямо сейчас, сию секунду, на этом самом колесе. Ей захотелось выкинуть за борт его кеды, стянуть с него джинсы и оседлать прямо здесь, безжалостно раскачивая кабинку. Таня закинула ногу на ногу, скрестила руки на груди,

это немного помогло отогнать навязчивую мысль. Немного, но не до конца. Перевела взгляд с Витино лица на деревья внизу.

– Ты высоты боишься? – спросил Витя уже на земле, помогая ей сойти.

– Нет, почему?

– Ну ты так напряглась там, наверху.

– А, нет, нет. Голова закружилась. Странно, раньше такого не было.

Таню испугало собственное желание, внезапное и непроходящее. Сейчас, когда вот уже почти два года у них с Ветой своя жизнь, не менее настоящая, чем все, что их окружает, когда есть съемная квартира, которую они делят с двумя другими девочками, тоже парой, когда есть наконец-то зыбкое, приходящее, но все же ощущение счастья, эта внезапная вспышка казалась не более чем глупой прихотью, очередным микропредательством. И плевать, что Витя скорее всего ничего не заподозрил, точно не заподозрил, – от этого не легче. Она допускает подобные мысли и желания. И это ужасно.

В этих переживаниях она провела остаток прогулки. Хуже всего было то, что, хоть она считала свое внезапно возникшее влечение к Вите чуть ли не запретным, ее угрызения совести не отменяли этого влечения.

Черная машина

Таня и Вета поехали в центр и бродили по улицам. Серый вечер переходил в белую ночь.
– Я чувствую себя идиоткой, Таня. Просто каким-то дебилом, – сказала Вета. – Ты сейчас так со мной общаешься, как будто это все только из-за меня. Мне иногда кажется, что если бы меня не было, то всем было бы проще, тебе было бы лучше.

Таня так и не научилась отвечать на подобные Ветины выпады. А сейчас она и вовсе понимала, что отчасти Вета права.

– Это неправда, – сказала Таня.

– Ты вообще слушаешь меня? – спросила Вета. Видимо, в какой-то момент Таня ушла в свои мысли, отстала от разговора.

– Да, да.

– Знаешь, какой ты стала? Вежливой. И аккуратной.

– А раньше какой была?

– Такой и была. Но ты была другая при этом. За этим всем что-то еще было, много чего. А сейчас ты себя со мной ведешь как с дальней родственницей, которая приехала на несколько дней погостить, а потом осталась еще на несколько, и еще, и вот ты уже не знаешь, что только придумать, чтобы от нее избавиться, но впрямую не просишь убраться, вроде как неудобно.

Вета уткнулась головой в водосточную трубу – Таня так и не поняла, она просто не рассчитала силы или специально ударилась – удар получился сильным. Вета, похоже, даже не заметила, что ушиблась.

– Я хочу умереть, я хочу, чтобы меня не было, – сказала Вета. Таня в очередной раз почувствовала себя предателем.

Потом они стояли на набережной Фонтанки. Вета больше ничего не говорила, отошла от Тани. Таня смотрела на воду.

Внезапно она ощутила тоску. Очень острую и абсолютно нестерпимую тоску по Вете. Как будто вся грусть и вся нежность, которые только возможно испытать, разом переполнили ее, и этого оказалось слишком много, этого всего ей было не вместить. Она вдруг осознала, что если Веты сейчас не станет, просто не окажется рядом, то ее разорвет от всех этих переживаний. Таня повернулась к Вете. Вета переходила улицу – от набережной к противоположному тротуару. Медленно, как заблудившийся ребенок, ссутулившись, как закрывшийся от всех подросток. Непонятно откуда взявшаяся черная машина летела прямо на нее. Еще секунду назад этой машины как будто не было или Таня ее просто не заметила. Не сбавляя скорости, она неслась на Вету.

Таня очень громко окликнула подругу по имени, зачем-то выставив руки вперед, как будто надеясь ухватиться за нее. Ее голос как будто раздвоился или даже утроился. Она и кричала, и слышала себя со стороны. Вета развернулась к ней всем телом, немного отклонившись от своей траектории. Это ее и спасло. Если бы она просто повернула голову, машина бы сбила ее, вмялась бы левой фарой в ее бедро, сложила бы пополам, перемолола бы. Черная легковая иномарка только обдала ее сухим ветром и стремительно скрылась, так и не сбавив скорости, как будто и не была.

Потом Вета скажет Тане, что никакой машины не видела, пока, повернувшись, спиной не почувствовала это яростное движение прямо за собой. А потом – только хищный блеск габаритных огней. Она скажет, что на самом деле не хотела умирать, во всяком случае – так, что просто решила перейти на другую сторону. Она скажет, что ей очень страшно, хотя бояться будет уже нечего.

Они еще постоят так какое-то время – обнявшись, дрожа. Потом до утра просидят в кафе, будут пить вино, еще что-то, невероятным образом все это смешивая и не пьянея. И так до открытия метро. Чтобы только не пришлось ловить машину.

Утром, засыпая, обнимая Вету, Таня поймет, что по-настоящему любила ее, что по-прежнему любит. Она знает каждый изгиб Ветиного тела, ставшего таким родным. Ямочка на Ветином подбородке как будто только для того и нужна, чтобы с ней идеально совпадал кончик Таниного носа. Правая скула на Танином лице нужна только для прикосновения Ветиных губ. Ничьи больше губы не смогут так идеально лечь на ее лицо. Как будто они обе просто две части одной древней окаменелости.

Но вместе с тем Таня ясно осознает, что это прощание.

Бабье лето

Они вошли в квартиру, каждый по-своему осознавая, что произойдет дальше. Таня постаралась не думать, а просто быть девушкой, которая позволила парню привести себя домой.

Витина с отцом квартира оказалась на удивление чистой. Как будто там жили не два одиноких мужчины, а тихая полноценная семья. Все в обстановке напоминало Витю, эта квартира была на него похожа. Квартира не казалась Тане чужой. И это успокоило ее, хотя, как она потом сама поняла, в тот момент она волновалась в принципе гораздо меньше, чем могла бы.

Они прошли на кухню. Витя поставил чайник, повернулся к Тане. Так и замер у плиты, глядя на нее. Было понятно, что ему нужен этот чайник не больше, чем ей. Внутри каждого из них уже происходило то, что вот-вот должно было начаться между ними. Несмотря на это, они выпили чай.

Потом, в комнате, Витя снова замер, теперь возле подоконника, глядя не на Таню, а в окно, давая ей освоиться. Таня подошла к Вите сзади и тихо уткнулась лбом ему между лопаток. Вопреки всему она до последнего момента была уверена, что просто коснется головой его широкой спины, что это жест, ничего за собой не влекущий.

Они даже не попытались дойти до кровати. Прислонились к подоконнику, сползли на ковер. Сначала Таня не решалась посмотреть Вите в глаза. Взгляд скользил по его плечам, груди, шее, несколько раз скатывался вниз по животу. Она боялась увидеть в его глазах нелепую мужскую сосредоточенность. Ее всегда удивляло, как парни в такие минуты могут быть настолько серьезными. Мокрые и неуклюжие, как лягушата.

Витя то ли сказал что-то бессвязное, то ли просто прерывисто выдохнул. От неожиданности Таня посмотрела на него. Витя улыбался одними глазами. Таня почувствовала невероятное облегчение. Радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.